

I.

БЛИЖНИЙ ВОСТОКЪ. *)

(Изъ поѣздки въ Святую Землю, Египеть и Грецію учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній гор. Саратова).

Мы пошли прежде всего къ Биржѣ. Долго шли мы по улицамъ, окаймленнымъ высокими домами, какихъ очень мало въ Саратовѣ. Но вотъ наконецъ показался вдаль огромный домъ въ 2 раза превосходящій все, мимо которыхъ мы проходили. Огромная арка въ готическомъ стилѣ служила входомъ въ это великолѣпное зданіе. Черезъ эту арку мы вошли внутрь. Одинъ за другимъ мы проходили огромныя залы съ чудными паркетными полами, съ массивными мраморными колоннами и стѣнами и съ лѣпными потолками, уставленные столами и стульями и наконецъ пришли въ главный залъ. Этотъ залъ имѣетъ 50 сажень въ длину. Великолѣпно обставленный, богатый и большой этотъ залъ, считается лучшимъ въ Одессѣ и отдается въ наемъ каждый разъ, когда бываетъ большой концертъ или любительскій спектакль. На потолкѣ этого зала выдѣляются своею художественностью и красотой картины Каразина—фрески, иллюстриющія развитіе торговли у разныхъ народовъ. Послѣ биржи мы осмотрѣли почтамтъ, необыкновенно большое зданіе. Внутри мы вошли въ громаднѣйшій залъ, гдѣ производится почтовая операція. Появленіе такого большого числа людей заинтересовало бывшихъ здѣсь посѣтителей, которые начали спрашивать: откуда мы, куда направляемся и т. д. Такихъ почтамтовъ, какъ въ Одессѣ, немного въ Россіи. Только Петербургъ и Одесса могутъ похвалиться ими. Послѣ почтамта мы пошли обозрѣть соборъ. Этотъ храмъ Византійской архитектуры съ обширной колоннадой. Внутри соборъ обширенъ, свѣтелъ, помѣстителенъ; въ соборѣ нѣтъ того оттѣнка сумрачности, какъ во многихъ храмахъ. Въ соборѣ мы, между прочимъ, видѣли нѣкоторыя иконы, напоминающія картины Московскаго Румянцевскаго музея по отдѣлу иностранной, католической живописи древней фламандской школы и др. Соборъ намъ очень понравился. Выйдя изъ собора, мы направились по Дерибасовской улицѣ. Эта улица соотвѣтствуетъ нашей Нѣмецкой, но послѣдняя не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ нею. Здѣсь прекраснѣйшія зданія, роскошнѣйшіе магазины съ чудными выставками; жизнь бьетъ ключемъ; масса гуляющихъ и покупателей. Однимъ словомъ Дерибасовскую улицу можно сравнить съ Невскимъ проспектомъ или Кіевскимъ Крещатикомъ. Многие изъ участниковъ нашего путешествія зашли въ магазины за открытками. Купили много видовъ Одессы для отсылки роднымъ и на память. Затѣмъ Михаилъ Ивановичъ провелъ насъ чрезъ пассажъ и мы попали въ зданіе, гдѣ производится торговля мясомъ. Здѣсь, какъ и во всемъ городѣ, видна забота города объ украшеніи и удобствахъ обывателей. Вездѣ чистота, изящество, блескъ. Нашъ Саратовъ во многомъ уступаетъ Одессѣ, но зато Саратовъ выигрываетъ тѣмъ, что у

насъ электрической трамвай, въ то время какъ въ Одессѣ по главной улицѣ ходитъ конка, какъ когда то у насъ. Впрочемъ въ Одессѣ имѣется паровая трамвай, который соединяетъ городъ съ дачами. Осмотрѣвъ зданіе университета, не особенно большое и красивое, и публичную бібліотеку, представляющую громадное зданіе со всѣми удобствами для посѣтителей, мы направились къ знаменитой лѣстницѣ, къ морю; эта лѣстница имѣла раньше 120 ступеней, а теперь она нѣсколько уменьшилась благодаря поднятію приморской ул. Около лѣстницы находятся нѣкоторые памятники, которые мы и осмотрѣли; мы видѣли памятникъ Ришилье, строителю и первому губернатору Одессы. Остановились мы на нѣкоторое время и осмотрѣли памятники Императрицѣ Екатеринѣ II и Воронцову; болѣе намъ понравился памятникъ Екатерины II въ Екатерининскомъ скверѣ. Съ лѣстницы мы увидѣли море, которое многие видѣли въ 1-й разъ; оно приковало вниманіе всѣхъ и произвело на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Вотъ какъ въ своемъ дневникѣ одинъ изъ учениковъ описываетъ свое впечатлѣніе отъ моря. «Мы двинулись къ морю... Къ морю!.. Я сейчасъ въ первый разъ увижу море. Скорыми шагами шель я впередъ и терпѣливо ожидая потомъ отставшихъ. Хотѣлось мнѣ увидать скорѣй эту новую стихію. Вотъ прошли мы театральную площадь и Николаевскій бульваръ. другъ высокіе дома, окружающіе насъ, какъ бы отстранились и мы очутились на набережной моря. Такъ вотъ оно море, Черное море, эта бурная стихія, такъ красиво описываемая въ книгахъ. Это большое пространство грязно-сѣрой воды, въ которой плаваютъ какая то грязь, какая то солома, какіе то обломки. Но это не море, это гавань. Огромные корабли въ 2 или 3 раза превышающіе волжскіе пароходы толпились здѣсь. Тысячи мачтъ и флаговъ торчатъ и развѣваются здѣсь и тамъ. Здѣсь и русскіе, и итальянскіе, и французскіе, и англійскіе. Вотъ и нашъ пароходъ, на которомъ мы должны уѣхать въ Константинополь. Это «Одесса», одинъ изъ лучшихъ пассажирскихъ черноморскихъ пароходовъ. Онъ, еще малонагруженный, тихо качался около берега. Но мы увидимъ его завтра, а сейчасъ пойдемъ купаться. Дальше и дальше идемъ мы по набережной. Понемногу уходитъ назадъ гавань, свѣтлѣетъ и чище дѣлается уже нѣжно голубая поверхность воды; на огромное пространство, куда только хватить глазъ, простирается вокругъ да на горизонтѣ едва бѣлѣетъ одинокій маленькій парусъ какой то смѣлой лодочки. А волны шумятъ, пѣнятся, съ трескомъ ударяются о прибрежные камни, съ брызгами яростно отбѣгаютъ назадъ и снова ударяются, снова со стономъ отражая солнечные лучи, отбѣгаютъ, покрытыя бѣлой пѣной. Какъ очарованный стоялъ я, не могъ оторвать глазъ отъ этой картины. Смотря на голубое море, на голубое небо, я дышалъ чуднымъ свѣжимъ морскимъ воздухомъ, упивался имъ вволю. Долго стоялъ я тамъ, пока меня не позвали. Я видѣлъ, что наши уже ушли купаться. Но мнѣ не хотѣлось купаться. Я сѣлъ на берегу моря, примостился между прибрежными камнями-скалами и задумался, глядя на это живое нѣжно голубое море...

*) Продолженіе, см. № 48 „Сар. Дух. Вѣст.“

Не замѣтилъ я, какъ прошло время, не замѣтилъ какъ наши кончили купаться и имъ пришлось позвать меня, чтобы вывести изъ состоянія мечтательности. Неохотно отошелъ я отъ моря, не хотѣлось мнѣ разставаться съ нимъ». Такъ какъ приближалось 7 час. вечера, т. е. время когда въ подворьѣ подается ужинъ, мы поспѣшили домой. Мы явились въ свое, Андреевское, подворье,—гдѣ уже ожидалъ ужинъ постный, рыбный, но сытный; къ обѣду и ужину здѣсь вмѣсто кваса, всегда подается бессарабское легкое вино. Монашествующіе встрѣтили насъ съ тою же любезностью и предупредительностью, которая прямо таки поражаетъ. Въ общемъ Андреевское подворье на насъ произвело наилучшее впечатлѣніе, особенно всегда ласковый, внимательный, гостепріимный, радушный настоятель отецъ Валерій. Отдохнувъ послѣ ужина, молодежь снова захотѣла посмотрѣть Одессу. Благодаря помощнику градоначальника Набокову, давшему свою карточку, молодежь, подъ руководствомъ Михаила Ивановича и преподавателей, могла подробно осмотрѣть городской театръ. «Внутреннее устройство пишетъ въ своей записной книжкѣ одинъ изъ преподавателей, театра превзошло все наши ожиданія. Что то сказочное. Даже столичные театры должны передъ Одесскимъ преклонить голову». Послѣ осмотра театра и части Одессы мы отправились домой спать. На другой день, 13 іюня, наша молодежь была отпущена осматривать городъ уже самостоятельно, такъ какъ въ первый день все болѣе или менѣе успѣли ознакомиться съ расположеніемъ хотя главнѣйшихъ улицъ, а также сдѣлать необходимые покупки. Въ этотъ день все встало къ 8 ч. утра. Наши любезные хозяева—монахи напоили насъ чаемъ, и уже послѣ т. е. около 10 ч. утра все разбрелись въ разныя стороны. Только о. Русановъ и преподаватель Джерошинскій остались въ своемъ номерѣ занести въ дневникъ рядъ тѣхъ впечатлѣній, которыя пришлось намъ испытать въ первый день нашего пребыванія въ Одессѣ. Въ общемъ въ первый день мы устали, осматривая городъ. Закончивъ свои дѣла дома, мы отправились сдѣлать необходимую прогулку. Всюду, не смотря на высокую сравнительно температуру, было оживленно, жизнь била ключемъ. Въ этомъ случаѣ не можетъ быть сравненія съ нашимъ Саратовомъ, гдѣ въ полдень жизнь прекращается. На этотъ разъ мы ограничились только покупками, но уже такого тщательнаго осмотра не производили. Послѣ этого пришлось зайти справиться въ пантелеймоновское подворье, гдѣ, какъ извѣстно, нашла себѣ пріютъ большая часть нашихъ путешественниковъ во главѣ съ Директоромъ. Необходимо было переговорить относительно часа отъѣзда нашего на пароходъ. Несмотря на то, что послѣдній долженъ былъ отойти только 13 іюня въ 11 час. утра, насъ предупредили, что необходимо тамъ расположиться заранее, дабы занять лучшія мѣста. Отъ директора мы узнали, что т. Р. О. П. и Т. не дѣлаетъ намъ тѣхъ скидокъ, какія были обѣщаны. Эта новость явилась намъ неожиданнымъ сюрпризомъ. Но благодаря энергіи Михаила Ивановича, этого нашего добрѣйшаго, вѣчно ласковаго, внимательнаго и готоваго на все услуги чичероне, намъ удалось на самыхъ льгот-

ныхъ условіяхъ взять билеты до Яффы черезъ Константинополь, гдѣ предполагалось сдѣлать остановку на нѣсколько дней. Въ 5 час. в. мы, соединившись все, отправились въ гавань. Вещи наши везли на особыхъ подводкахъ отъ подворій, мы же шли сзади; съ нами шли монахи, которые бережно помогали укладывать вещи на подводы, а потомъ снимать ихъ съ подводъ. Эти проводники разстались съ нами, сердечно простившись, только тогда, когда совершенно устроили насъ на пароходѣ. Мы не находили словъ выразить свою глубокую признательность настоятелямъ и братіи подворій. Наша группа скоро достигла гавани. Нашъ пароходъ «Одесса» стоялъ прямо у берега. Мы взяли каждый свои вещи и понесли ихъ на пароходъ. Намъ отвели бѣлый, чистый уютный трюмъ, приготовили койки, такъ что намъ осталось только на тюфяки изъ морской травы постелить свое бѣлье и положить вещи. Сдѣлавъ это, нѣкоторые изъ путешествующихъ отправились наверхъ осматривать пароходъ. Первое, что любознательнымъ бросилось въ глаза и заинтересовало ихъ—это машинка паровая для нагрузки корабля. Эта машинка состоитъ изъ длиннаго желѣзнаго столба—шеста укрѣпленнаго наклонно; на верхнемъ концѣ шеста утверждёнъ блокъ, чрезъ который перекинута веревка. Одинъ конецъ ея свободенъ, тамъ находится только громадный крюкъ, другой намотанъ на валь, находящійся внизу сбоку шеста и приводимый въ движеніе паромъ. Конецъ шеста съ блокомъ находится за пароходомъ надъ бортомъ. Машинистъ, при помощи пара, вертитъ валь къ блоку и веревка тѣмъ временемъ опускается. На берегу грузчики уже приготовили связку какихъ то ящичковъ по 10 пуд. каждый. Плотно связавъ ихъ они зацѣпили веревкой за крюкъ и крикнули машинисту „Ойра“ (впослѣдствіи мы узнали, что это слово означаетъ распоряженіе поднимать). Машинистъ привелъ въ движеніе машинку и валь медленно завертѣлся, поднимая пятидесяти пудовую тяжесть. Когда тюкъ дошелъ почти до блока, машинистъ остановилъ машинку и тюкъ повисъ. «Какъ же они, думали въ первый разъ видѣвшіе эту операцію, снимутъ тюкъ на корабль—вѣдь онъ виситъ за бортомъ»? Снова застучала машинка и наблюдатели увидѣли, что шестъ вмѣстѣ со всей машиной повернулся такъ, что блокъ приходился прямо надъ трюмнымъ отверстіемъ. Теперь машинистъ отпустилъ тормоза и пятидесяти пудовой тюкъ съ грохотомъ понесся внизъ, таща за собою веревку и грозя задавить людей, укладывающихъ ящики въ трюмъ. Но зорко слѣдитъ машинистъ за веревкой. Во время однимъ движеніемъ руки укрошаетъ онъ паденіе всей этой огромной массы. Теперь уже подъ вліяніемъ паровыхъ тормазовъ спускается тюкъ внизъ и наконецъ достигаетъ дна. Тотчасъ ящики отвязали, а пустой крюкъ снова поднялся на верхъ, чтобы принести новый грузъ. Съ любопытствомъ мы наблюдали за нагрузкой корабля, удивляясь остроумію людей и ихъ изобрѣтательности. Было нагружено 62 ящика т. е. 620 пуд. и это сдѣлано въ какихъ нибудь полчаса. Посмотрѣвъ на подъемную машину, мы отправились на среднюю палубу. На морскихъ пароходахъ не одна палуба, а ихъ три: носовая, средняя главная

и кормовая. Одна главная палуба больше всякой палубы на волжских пароходах. Впрочемъ пику здѣсь меньше, чѣмъ тамъ, на Волгѣ. Полъ на палубѣ деревянный, некрашенный, скамейки тоже простого устройства. Но все идеальной чистоты. Простой некрашенный столъ блестяль лучше зеркала. Скамейки и морскія кресла безукоризненно чисты. Это палуба 1-го класса, на кормѣ II класса, а на носу для III го класса.

(До слѣд. №-ра).

II.

О Преподобномъ Сергіи, благодатномъ воспитателѣ духа русскаго народа *).

„Когда вмѣстѣ съ разнообразной, набожно крестящейся народной волной вступаешь въ ворота Сергіевой Лавры, иногда думаешь: почему въ этой обители не было и нѣтъ особаго наблюдателя, подобно древне-русскому лѣтописцу, который спокойнымъ неизмѣннымъ взглядомъ наблюдалъ бы и ровной безстрастной рукой записывалъ, еже содѣяся въ Русской Землѣ, и дѣлалъ-бы эти одинаково изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ, какъ будто это былъ одинъ и тотъ же человекъ, не умиравшій цѣлыя столѣтія? Такой безсмѣнный и не умирающій наблюдатель-лѣтописецъ разсказалъ-бы намъ, какіе люди приходили въ теченіи 500 лѣтъ поклониться гробу Преподобнаго Сергія и съ какими помыслами и чувствами возвращались отсюда во всѣ концы Русской Земли. Между прочимъ онъ повѣдалъ-бы намъ, что составъ общества, непрерывной волной притекавшаго ко гробу Преподобнаго, въ теченіи пяти вѣковъ оставался неизмѣннымъ. Еще при жизни Преподобнаго, какъ разсказываетъ его жизнеописатель-современникъ, многое множество приходило къ нему изъ различныхъ странъ и городовъ и въ числѣ приходившихъ были и иноки, и князья, и вельможи и простые люди, на селѣ живущіе. И въ наши дни наряду съ паломниками сермяжной Руси, притекають къ гробу Преподобнаго съ своими думами, мольбами и упованіями люди всѣхъ классовъ Русскаго Общества, не исключая и государственныхъ дѣятелей, которые также приходили сюда въ трудные переломы народной жизни, да что еще—и сами вѣнценосные монархи преклоняють свои колѣна предъ св. гробомъ бывшаго нѣкогда смиреннаго и убогаго старца... На протяженіи вѣковъ старыя понятія изсякали, новыя пробивались или наплывали, и чувства и вѣрованія, которыя влекли сюда людей со

всѣхъ концовъ Русской земли, бьютъ до сихъ поръ тѣмъ же свѣжимъ ключемъ, какъ били въ XIV вѣкѣ. И если бы возможно было воспроизвести писаніемъ все, что соединилось съ памятью Преподобнаго, что въ эти 500 лѣтъ было молчаливо передумано и перечувствовано предъ его гробомъ миллионами умовъ и сердець, это писаніе было-бы полной глубокаго содержания исторіей нашей всенародной политической и нравственной жизни“ *).

Постараемся-же, хотя въ краткомъ словѣ класснаго урока, выяснить, какое значеніе имѣеть Препод. Сергіи для своихъ современниковъ и какое значеніе имѣють для насъ онъ и основанная имъ Троице-Сергіевская Лавра, духовная крѣпость Россіи.

Надъ великою русскою землею въ ту пору, когда жилъ и подвизался великій угодникъ Божій, тяготѣло тяжелое и ненавистное для всѣхъ Татарское иго. Въ 1237 г. Татары взяли Владиміръ, убили княжескую семью, разгромили городъ съ его чудными храмами, опустошили и всю Суздальскую Землю. Въ битвѣ на рѣкѣ Сити русскіе были разбиты, В. князь Юрій убитъ. Въ 1240 г. та же участь постигла и южно-русскую землю. Кіевъ, Краса Русской Земли, Стольной градъ Св. Владиміра, съ великолѣпными храмами и монастырями, обратился въ груды пепла и развалинъ. Несмѣтныя полчища татаръ опустошили Русскую Землю, Князья объявлены данниками хана. Наѣхали татарскіе чиновники, злые баскаки для сбора этой дани и дикими насиліями и грабежами сдѣлали невыносимою самую жизнь. Бывало, не стерпитъ русскій человекъ, убьетъ баскака, и новыя опустошенія огнемъ и мечемъ разгнѣваннаго хана еще болѣе угнетуть его. Такъ ужасно было Татарское иго! Это—было одно изъ тѣхъ народныхъ бѣдствій, которыя приносили не только матеріальное, но и нравственное разореніе. Люди безпомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и безнадежно отдавались своему прискорбному положенію, не находя и не ища никакого выхода. И что еще хуже, ужасомъ отцовъ, пережившихъ бурю татарскаго разгрома, заражались и дѣти, родившіеся послѣ него. Мать пугала непокойнаго ребенка лихимъ татаринимъ; услышавъ это злое имя, взрослые бросались бѣжать, сами не зная куда. Подъ вліяніемъ постояннаго ужаса, передаемаго отъ одного поколѣнія къ другому, сильно измѣнились

*) Изъ уроковъ по Закону Божію.

*) Проф. В. О. Ключевскій. Благодатный воспитатель русскаго народнаго духа.